

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ РЮРИКОВИЧЕЙ ЗА ПРЕДЕЛЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ (X – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII ВЕКА): ЛЕТОПИСНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АГРЕССИИ

Ю. Н. Кежа

Белорусский государственный университет (г. Минск)

Поступила в редакцию 18 мая 2023 г.

Аннотация: рассматриваются военные походы князей-Рюриковичей за пределы древнерусских земель в домонгольский период (X – первая половина XIII в.). На основе изучения летописного материала проанализировано осмысление древнерусскими книжниками случаев разорения городов и земель Восточной Европы, выявлены особенности действий нападающей стороны при осуществлении агрессии.

Ключевые слова: древнерусские летописи, князья-Рюриковичи, военные походы.

Abstract: the article deals with the military campaigns of the Rurik princes outside the ancient Russian lands in the pre-Mongolian period (X – first half of the 13th century). Based on the study of the chronicle material, the interpretation of the cases of the destruction of cities and lands of Eastern Europe by ancient Russian scribes is analyzed and the features of the actions of the attacking side in the implementation of aggression are revealed.

Key words: ancient Russian chronicles, Rurik princes, military campaigns.

Исследования древних и средневековых сообщений показывают, что война и насилие зачастую являлись определяющим фактором формирования и функционирования многих государственных образований [1, р. 210–222; 2, р. 67–88; 3; 4, р. 248–266; 5, с. 248–250; 6; 7, с. 64–66; 8, с. 323–326, 413–414]. В восточнославянских летописях, отражающих домонгольский период древнерусской истории (X – середина XIII в.), летописные сообщения Повести временных лет (далее – ПВЛ) [9] и следующие за ней наиболее ранние сохранившиеся летописные источники – Киевская (далее – КЛ) и Галицко-Волынская (далее – ГВЛ) [10], Суздальская (далее – СЛ) [9] летописи, а также Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ ст и НПЛ мл соответственно) [11] – изобилуют сообщениями о военных столкновениях и разорениях территорий Восточной Европы.

Упомянутые в летописных источниках случаи разорения сопредельных территории князьями-Рюриковичами можно условно разделить на три блока: 1) разорение городов и земель древнерусскими князьями-язычниками; 2) разорение древнерусскими князьями (христианами) территорий нехристианских народов; 3) разорение древнерусскими князьями (христианами) территорий христианских государств.

При рассмотрении описания военных нападений, которые относятся к определенному блоку, в наши

основные задачи входят анализ осмысления древнерусскими летописцами случаев разорения городов и земель Восточной Европы и выявления особенностей действий нападающей стороны при осуществлении агрессии. При анализе древнерусских летописей нами не учитываются случаи военных походов и отдельных битв, где описания разорений отсутствовали или были представлены неявно¹.

Разорение городов и земель древнерусскими князьями-язычниками

Летописные свидетельства, в которых подробно описываются военные походы древнерусских правителей Аскольда и Диры, Олега, Игоря, Ольги, Святослава и Владимира, включают сообщения ПВЛ и НПЛ мл с 844 г. – первого нападения руси² на Константинополь, до конца 80-х гг. X в. – похода киевского

¹ Один из примеров подобного описания, поход киевского князя Владимира Святославича на ятвягов в 983 г.: «Иде Володимеръ на Ѧвтаги . и побѣд Ѧвтаги . и вза землю их» [9, стб. 82]. В сообщении говорится о произошедшем походе, одержанной победе и подчинении ятвягов власти киевского князя, при этом не сообщается о разорении территории или случаях насилия, применяемого к местному населению.

² Слово «русь» для IX – первой половины X в. мы употребляем со строчной буквы, так как в этот период данный термин носил в первую очередь социальный характер, под которым обозначались представители скандинавского военно-торгового сообщества, носители элитарной дружинной культуры – выделяющиеся из основной массы славянского и финского населения Восточной Европы [12, с. 148–149; 13, с. 136–150; 14].

князя Владимира Святославича на византийский Херсонес.

Наиболее подробно в летописях описываются походы Рюриковичей на Константинополь. Так, нападение на византийскую столицу с описанием разорений и насилия, осуществляемых войсками росов, упоминаются в летописях под 844, 866, 907, 941 гг. [9, стб. 21–22, 30, 44; 11, с. 105, 108]. Помимо стандартных летописных терминов, описывающих разорение территорий: «много зла створиша», «насилъ дѣяху», «градъ пожъже (пожгоша)», «людей поплениша» – летописец особое внимание обращает на уничтожение росами христианских святынь и христианского населения, а также изощренные виды умерщвления, которым древнерусские воины подвергали жителей пригородов византийской столицы.

Похожая информация о действиях росов встречается при описании похода 941 г. у византийских писателей второй половины X в. Симеона Метафраста и Продолжателя Феофана [15, с. 231–232]. Общим местом в византийских источниках и сообщениях ПВЛ является упоминание о распятии, связывании и поражении жертв агрессии стрелами, вбивании пленникам в головы железных гвоздей и сожжении храмов. Данные пассажи в свою очередь заимствованы из текста Откровения Мефодия Патарского – византийского эсхатологического сочинения VII в. [16, с. 249].

Действия языческой руси соответствуют представлениям византийских интеллектуалов и древнерусских летописцев о том, как должны себя вести безбожные народы (к каковым относилась и дохристианская русь) перед концом времен. Насилие, творимое захватчиками, осуществляется как наказание христиан за грехи. Отчетливая параллель сообщениям 907 и 941 гг. обнаруживается в тексте описания нашествия монголов на Рязанскую землю в 1237 г., где монголы распинают и расстреливают стрелами жителей Рязани, а также предают огню храмы и монастыри города [9, стб. 460п]. На эсхатологический контекст текстуальных параллелей 907, 941 и 1237 гг. обратил внимание И. Н. Данилевский [16, с. 91–93, 248–250].

Причисление дохристианской руси к «безбожным» и «беззаконным» (не знающим истинной веры и не исполняющим ее установлений) народам отразилось в том числе в сообщении НПЛ мл о первом нападении руси на Константинополь 844 г., где говорится, что русы «много зло створиша Грекомъ и убийство велико крестианомъ» [11, с. 105], и сообщении ПВЛ о походе Аскольда и Дира, где русь прямо называется «безбожной» [9, стб. 22]. Про опустошительный характер ведения войн в период раннего Средневековья также свидетельствуют сообщения

ПВЛ о балканских походах Святослава Игоревича [там же, стб. 70].

В отличие от военных экспедиций русских князей на земли Византии, на территории Восточной Европы применение агрессии русскими князьями к местным племенным объединениям было связано с наложением дани. Описание насильственных действий («насилъ дѣяху») в процессе установления даннических отношений пришлых скандинавов по отношению к местному славянскому и финскому населению впервые фиксируется в НПЛ мл под 844 г. [11, с. 105]. Воины Игоря в 945 г. при сборе дани со славянского объединения древлян, согласно новгородскому летописцу, также прибегали к насилию [там же, с. 110]. Нефиксированный сбор дани привел к казни Игоря в земле древлян и последующей мести со стороны Ольги – супруги Игоря. Действия Ольги, по мнению исследователей, носят ритуализированный характер: Ольга троюкратно мстит древлянам, завершая отмщение возведением кургана над могилой Игоря и убийством 5000 тысяч древлян [9, стб. 56–57; 17, с. 156].

К интересующей нас теме относится так называемая «четвертая месть» Ольги, которая связана с захватом древлянского Искоростеня. Она не вписывается в фольклорные каноны и, по всей видимости, является вставкой из византийского хронографа [17, с. 156]. После сожжения города была пленена и выведена из города уцелевшая древлянская элита («старѣшины града»), остальное население было частично истреблено, частично обращено в рабов. На оставшихся жителей древлянской «столицы» была наложена тяжелая дань [9, стб. 59–60]. Показательно, что Ольга оставила в живых часть населения Искоростеня для последующего сбора дани, что может отражать особенности политической организации ранних Рюриковичей, экономическое существование которых, помимо торговли, определялось данническими отношениями с местным населением.

Сбор дани Игоря в земле древлян в 945 г. и последующий поход Ольги соответствовали скорее военным рейдам, нежели систематизированному сбору налогов. Однако при всей неординарности, с которой летописец сообщает об отношениях древлянской элиты с Игорем, а затем Ольгой, данная летописная информация показывает один из сценариев сбора дани (полюдья) русами в первой половине X в., который сопровождался военными походами и насилием [18, с. 272].

Вторая половина X в. – период установления господства киевских князей над большей частью Восточной Европы. В первой половине столетия существовал ряд независимых от Киева торгово-политических центров, одним из которых был Полоцк во главе с пришлым скандинавом Рогволодом. Под

980 г. сообщается о походе новгородского князя Владимира Святославича на Полоцк, убийстве Рогволода и двух его сыновей [9, стб. 76]. Более расширенное сообщение об этих событиях встречается в СЛ под 1128 г., где говорится о насилии над дочерью Рогволода Рогнедой и ее публичном унижении [там же, стб. 300].

Особенностью данного конфликта является целенаправленное убийство правящего в городе князя, что в более поздний период XI – первой половины XIII в. происходит крайне редко. В христианский период убийство правителя внутри рода Рюриковичей является исключительным событием и расценивается как тягчайшее преступление. С XI в. в древнерусских нарративах обосновывается недопустимость убийства внутри княжеского рода [19, с. 95–96]. Большую роль в данных представлениях сыграло принятие Русью христианства и распространение культа святых Бориса и Глеба [20, с. 38–39; 21, с. 52–53].

Объяснением произошедшего в 980 г. убийства Рогволода является тяжелый кризис становления правящей династии, когда сакрализуется право силы и традиционные механизмы обычного права исчезают [22, с. 149–150].

Разорение древнерусскими князьями территорий нехристианских народов

В древнерусских письменных источниках довольно подробно представлены сообщения о нападении в XI – первой половине XIII в. князей-Рюриковичей на соседние с Русью нехристианские народы. Среди объектов нападения в летописях указываются половцы, финно-угорские племена чуди (собирательное название, включающее сообщества еми, корелов и эстов) и мордвы, балтские объединения литвы и ятвягов, города и земли Волжской Булгарии.

Из всех летописных сюжетов, в которых зафиксированы случаи разорения русскими князьями территорий нехристианских сообществ, лишь два события получили специфическое религиозное оформление³.

В 1164 г. состоялся поход владимирского князя Андрея Юрьевича Боголюбского на Волжскую Булгарию [9, стб. 353]. Согласно краткой редакции «Сказания о победе над волжскими булгарами» (далее – «Сказание»), победа Андрея трактуется как новое чудо Владимирской иконы Богоматери, а сам поход с точки зрения некоторых исследователей носил характер крестоносного [23, с. 32–33]. О том, что кампания Андрея 1164 г. отличалась от походов на нехристианские народы других князей-Рюриковичей,

свидетельствует установление владимирским князем праздника Спаса 1 августа, что, согласно «Сказанию», совпало по дате с победой византийского императора Мануила Комнина над сарацинами [24, с. 21–28].

Религиозное противопоставление волжских болгар и русских князей наблюдается в сообщении о разорении Мстиславом Андреевичем болгарского города Суvara в 1172 г., во время которого, согласно СЛ, мужское население было уничтожено, а женщины и дети обращены в рабство [9, стб. 364].

Религиозный контекст присутствует в сообщении КЛ о походе Ростислава Рюриковича на половцев в 1193 г. [10, стб. 677–678]. Так же, как и в сообщении о походе 1164 г., в летописной статье 1193 г. упоминается о помощи русскому князю со стороны высших сил, а объект нападения – половцы – идентифицируются летописцем с отчетливой этноконфессиональной оппозицией русскому войску («и похвалившие всмилѣтваго Ба̄ приемши ѿ Ба̄ на поганѣя побѣдоу»).

Один из походов на балтское объединение ятвягов можно трактовать как месть [25, с. 128]. Речь идет о походе волынского князя Романа Ростиславича, который он осуществил в 1196 г. в ответ на предыдущие ятвяжские набеги [10, стб. 702].

В остальных сообщениях при описании набегов русских князей летописцы в основном упоминают о грабежах территории и пленении местного населения. Хронологически первое сообщение о подобного рода действиях представлено в ПВЛ под 1022 г. при изложении похода тмутараканского князя Мстислава Владимировича на кавказское сообщество касогов [9, стб. 147].

Во время похода Святополка Изяславича и Владимира Всеволодовича на половцев в 1095 г. описывается порабощение местных жителей и вывоз крупного скота и коней – основного источника экономического развития кочевников [там же, стб. 228]. Про вывоз из половецких ставок коней и скота упоминает КЛ при описании похода 1191 г. новгород-северского князя Игоря Святославича [10, стб. 673п]. Вывоз с половецкой территории скота, большого количества рабов (челяди, колодников), а также пленение представителей половецких элит («кнажичевъ их и добръи моужи имаша») фиксирует уже упоминавшееся сообщение о походе Ростислава Рюриковича в 1193 г. [там же, стб. 677–678]. Пленение населения и угон скота на территорию Руси произошли после набега русских князей на половецкие ставки в 1203 г. [11, с. 240].

Крупные поголовья скота (лошади, овцы, коровы, верблюды) являлись основным, а зачастую единственным ресурсом для существования половецких кочевых объединений. В частности, скот фигурирует как материальное воплощение даров при заключении соглашений между Владимиром Мономахом и по-

³ Нами не учитываются сообщения ПВЛ о походах русских князей на половцев 1103, 1111, 1116 гг., так как в данных летописных статьях отсутствуют описания военных разорений половецких территорий.

ловецкими правителями [9, стб. 250]. Отвод скота, а также порабощение значительной части населения ставили половецкие кочевья на грань материального истощения и физической гибели.

Учитывая, что со многими половецкими кланами князя-Рюриковичи были в тесных союзах, можно допустить, что походы некоторых древнерусских князей преследовали цель ослабить материальную базу степных конкурентов своих половецких союзников.

Данное обстоятельство подкрепляется матримониальными связями. Династические союзы XI–XIII вв. между представителями династии Рюриковичей и половецких правителей представляли собой помощь в первую очередь в военной сфере. Рюриковичи и их половецкие родственники оказывались в сложной системе родства и свойства. Это способствовало тому, что древнерусские и половецкие князья и их дети могли рассчитывать на поддержку своих родственников вооруженными силами [26, с. 225].

Захват рабов, скота и продовольствия с сопутствующим истреблением местного населения связаны с походами новгородских и псковских князей на соседние прибалтийско-финские объединения – чудь (емь, корел, эстов) и мордву.

Одно из первых крупных нападений на чудь относится к 1116 г. Поход осуществлял новгородский князь Мстислав Владимирович. Агрессия на чудские территории закончилась уводом в Новгород многочисленного полона [10, стб. 283]. В начале 1130-х гг. сын Мстислава, следующий новгородский князь Всеволод, также осуществил ряд походов на территорию чуди [11, с. 206–207]. Более подробно описано первое нападение Всеволода 1130 г., которое сопровождалось уничтожением боеспособного населения («самых исъче»), сожжением жилых строений, пленением женщин и детей [там же, с. 206]. Тотальное разорение чудской территории («воюа . по всеи землѣ ихъ . и тако пожже всю землю ихъ»), пленение жителей и угон скота происходили во время похода на чудь новгородского князя Мстислава Ростиславича в 1178 г. [10, стб. 608]. О разорении территории и порабощении новгородцами и псковичами чудского населения сообщается в НПЛ под 1191 г. [11, с. 230–231]. Взятие большого количества пленных, вывод скота, разорение чудских сел и наложение дани на покоренное население осуществил во время похода 1212 г. новгородский князь Мстислав Мстиславич Удатный [там же, с. 250]. Через два года Мстислав вместе с псковским князем Всеволодом Борисовичем организовал еще один поход на чудь, в результате которого на покоренное население была наложена повторная дань, две трети которой, согласно НПЛ, шли новгородцам, а одна треть княжеским приближенным («а третьюю часть дворяномъ»). Как сооб-

щает новгородский летописец, во время похода был захвачен многочисленный полон [там же, с. 251]. Спустя девять лет поход на чудь к крепости Колывань осуществил новгородский князь Ярослав Всеволодович. Новгородскому войску удалось поработить большое количество местного населения, захватить значительную часть материальных ценностей, однако чудскую крепость взять не удалось [там же, с. 263].

В НПЛ упоминается о походах новгородцев на емь и корелу (1186 г.), переяславль-залесского князя Ярослава Всеволодовича на емь (1227 г.), новгородских князей Ярослава Владимировича и Ярослава Всеволодовича на эстов (1192 и 1234 гг.) [9, стб. 449; 11, с. 230, 231, 283]. Как и в сообщениях, описывающих нападения на чудь, основной целью отмеченных походов было порабощение захваченного населения. О многочисленном количестве пленных свидетельствует описание похода Ярослава Всеволодовича 1227 г. В летописной статье сообщается, что часть плененных была уничтожена, а часть отпущена из-за невозможности их доставки в Новгород [9, стб. 449].

Подробное описание похода коалиции князей, в которую входили Юрий и Ярослав Всеволодовичи, Василько и Всеволод Константиновичи и Юрий Давыдович, на финно-угорское племя мордвы зафиксировано в СЛ под 1128 г. Нападения на владения мордовского правителя Пургаса сопровождалось уничтожением посевов и скота («пожгоша жита и потравиша . и скоть избиша»), взятием пленных и уничтожением не успевшего укрыться в лесах местного населения. Как повествует летописец, после уничтожения жителей «и князем нашим не быс кого воевати» [там же, стб. 451].

При нападении новгородских князей на территорию прибалтийских финно-угорских объединений основной целью походов было приобретение (пополнение) княжеских материальных ресурсов, а также ресурсов участников походов, т. е. новгородцев (в некоторых случаях псковичей). В летописях практически полностью отсутствует религиозное оправдание походов. Единственным исключением является упоминание о Божьей помощи новгородцам в победе над «поганой чудью» в сообщении о походе Мстислава Ростиславича в 1178 г. Также в СЛ присутствует упоминание о прославлении Бога Ярославом Всеволодовичем во время удачной кампании 1227 г., что, вероятно, не противоречило изначальным прагматичным целям похода.

Разорение древнерусскими князьями территорий христианских государств

В соответствии с летописным материалом можно выделить три военных похода древнерусских князей на соседние христианские земли, в которых присут-

ствуется информация о разорениях территории: совместный поход Ярослава и Мстислава Владимировичей на Польшу 1031 г., поход Ярослава на мазовшан 1047 г., штурм Даниилом и Василько Романовичами польского города Калиша в 1229 г.

Во время похода древнерусских князей на владения польского короля Мешко II в 1031 г. основной целью кампании было отвоевание Червенских градов (городов в верхнем течении Западного Буга и верховьях реки Сан) [27, с. 873]. Помимо этого результатом военного похода стало разорение польских территорий и пленение большого количества местного населения [9, стб. 150]. Летописец сообщает о заселении пленными поляками городов по р. Рось – приграничной территории с печенежской/половецкой Степью. Согласно сообщению, данное население, имевшее несвободный или полусвободный статус, прочно осело на землях южной Руси («и суть до сего днѣ»). Функции приведенного из Польши полона заключались в строительстве оборонительных укреплений и, вероятно, военной службе по защите южнорусских земель от набегов степняков [28, с. 671].

Во время похода 1047 г. Ярослава Владимировича на земли Мазовии с целью возвращения данной территории под контроль польского правителя Казимира произошло убийство мазовецкого князя Моислава [9, стб. 155]. НПЛ мл дополнительно сообщает о возвращении Казимиром 800 человек русских пленников, захваченных в предыдущих походах поляков, на земли Руси [11, с. 181]. Сообщение об умерщвлении правителя, на владение которого осуществлялся военный поход, ранее встречалось в статье ПВЛ за 980 г. (поход Владимира Святославича на Полоцк) и после казуса 1047 г. больше не фиксируется в древнерусских летописях домонгольского периода. По всей видимости, ликвидация Моислава и была основной целью похода Ярослава 1047 г., который выступал в качестве союзника Казимира.

Про последствия нападения галицко-волинских князей Даниила и Василько Романовичей в союзе с мазовецким князем Конрадом на польский город Калиш в 1229 г. упоминается в ГВЛ. Как и в предыдущих походах на соседние территории, итогом разорения бы захват в плен местных жителей и превращение их в категорию зависимого населения – челяди и холопов [28, с. 670]. В летописной статье сообщается о договоре между Романовичами и Конрадом, согласно которому состоялся обмен пленными. Галицко-волинские князья и мазовецкий правитель, под власть которого переходил Калиш, обязались не совершать взаимные военные походы с целью пленения населения [10, стб. 756].

Проанализировав летописный материал, можно выделить следующие особенности осмысления и

описания случаев военной агрессии князьями-Рюриковичами в X – первой половине XIII в. на сопредельные с Русью территории.

В ранних летописных статьях, где сообщается о военных походах на Византию древнерусских князей-язычников Олега и Игоря, описание разорения носит характер литературных и библейских заимствований. Основная цель летописца – показать действия языческой руси, которые, согласно автору ПВЛ, не отличались от поведения «безбожных» народов. Подобные описания носят эсхатологический характер.

В связи с установлением налогово-даннических отношений и взиманием дани со славянских объединений в первой половине X в., в летописях присутствует информация об агрессии и насилии, осуществляемых древнерусскими князьями-язычниками на землях восточнославянских сообществ.

При анализе летописных сообщений о походах и разорении Рюриковичами территорий с нехристианским населением религиозное оправдание походов представлено единичными случаями. Основными причинами походов был захват «живого ресурса» (рабов, крупного скота), а также продовольствия. Как правило, данные действия сопровождалось частичным истреблением жителей, вероятно боеспособного мужского населения, способного оказать сопротивление агрессору. После похода пленных распродавали, частично оставляли в княжеском хозяйстве (дворовая прислуга), частично могли возвращать за выкуп или в особых условиях без него [29, с. 634].

Приобретение зависимого людского ресурса осуществлялось в ходе нападений древнерусских князей на соседние христианские государства. Так, после похода Ярослава Владимировича на польские земли в 1031 г. захваченное в плен население расселялось в южнорусских крепостях для военного укрепления границ Киевского княжества.

Таким образом, анализ летописных сообщений о военных походах князей-Рюриковичей за пределы древнерусских земель имеет важное значение в понимании природы средневековых конфликтов. Проанализировав упоминаемые в летописях случаи военных нападений древнерусских князей на соседние земли и народы, а также определенные действия, которые эти нападения сопровождали, раскрываются принципы осмысления походов древнерусскими книжниками, а также некоторые особенности осуществления агрессии на территории Восточной Европы X – первой половины XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Carneiro R. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion / R. Carneiro // Origins of the State : The Anthropology of Political Evolution. – Philadelphia, 1978.*

2. Colyer D. Carolingian War and Violence and the Course of Medieval History / D. Colyer // *Madison Historical Review*, Vol. 19 (2022).
3. Kaeuper R.-W. Chivalry and Violence in Medieval Europe / R.-W. Kaeuper. – Oxford and New York, 1999.
4. Firnhaber-Baker J. Seigneurial Violence in Medieval Europe / J. Firnhaber-Baker // *The Cambridge World History of Violence*. Vol. 2. – Cambridge, 2020.
5. Słupecki L. From Tribal Structures To early states in medieval Europe and what caused the change – criminal background? / L. Słupecki // *Древняя Русь и средневековая Европа : возникновение государств : материалы международной конференции, Москва, 2012 г. Институт всеобщей истории РАН*. – М., 2012.
6. Zupka D. Meč a kríž. Vojna a náboženstvo v stredovekej strednej Európe (X–XII storočie) / D. Zupka. – Bratislava, 2020.
7. Волков В. В. Государство, или Цена порядка / В. В. Волков. – СПб., 2018.
8. Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы) / А. С. Щавелев. – М., 2020.
9. Полное собрание русских летописей : Т. 1: Лаврентьевская летопись. – Ленинград, 1926.
10. Полное собрание русских летописей : Т. 2: Ипатьевская летопись. – СПб., 1908.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., 1950.
12. Мельникова Е. А. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) / Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин // *Древняя Русь и Скандинавия : избранные труды*. – М., 2011.
13. Толочко А. П. Очерки начальной руси / А. П. Толочко. – Киев ; СПб., 2015.
14. Фетисов А. А. «Дружинная культура» Древней Руси / А. А. Фетисов // *Древнейшие государства Восточной Европы. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*. – М., 2012.
15. Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. А. В. Виноградова ; вступ. ст. и коммент. П. В. Кузенкова. – М., 2014.
16. Данилевский И. Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет / И. Н. Данилевский. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2019.
17. Петрухин В. Я. Древняя Русь : Народ. Князья. Религия / В. Я. Петрухин. – М., 2000.
18. Головнев А. В. Антропология движения / А. В. Головнев. – Екатеринбург, 2009.
19. Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...» : личность и ментальность русского средневековья : очерки / А. А. Горский. – М., 2001.
20. Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – СПб., 1998.
21. Щавелев А. С. Формы мести и наказания в междукняжеских отношениях Рюриковичей / А. С. Щавелев // *Средневековая Русь*. Вып. 8. – М., 2009.
22. Литвина А. Ф. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М., 2018.
23. Ковалев А. В. Военные кампании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании / А. В. Ковалев // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб.* Вып. 3. – Мн., 2010.
24. Сказание о победе над Волжскими Болгарами // *ОЛДП № 30*. – СПб., 1878.
25. Панова В. И. Упоминание о Боге, Богородице и Кресте во время военных походов на иноверцев по материалам Киевского свода конца XII века в составе Ипатьевской летописи / В. И. Панова // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология*. – 2013. – № 1.
26. Селезнев Ю. В. Русские внуки половецких князей (к вопросу о половецких родственных связях в политической борьбе на Руси в XI – первой половине XIII вв.) / Ю. В. Селезнев // *Золотоордынское обозрение / Golden Horde review*. – 2019. – № 7 (2).
27. Котляр Н. Ф. Червенские грады / Н. Ф. Котляр // *Древняя Русь в средневековом мире : энциклопедия*. – М., 2014.
28. Свердлов М. Б. Рабство / М. Б. Свердлов // *Древняя Русь в средневековом мире : энциклопедия*. – М., 2014.
29. Свердлов М. Б. Полон / М. Б. Свердлов // *Древняя Русь в средневековом мире : энциклопедия*. – М., 2014.

Белорусский государственный университет
(г. Минск)

Кежа Ю. Н., кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России
E-mail: kezha04@mail.ru

Belarusian State University (Minsk)
Kezha Yu. N., Candidate of Historical Sciences, Doctoral Student of the Department of History of Russia
E-mail: kezha04@mail.ru